

Ф.Ф. Мартенс

**Собрание Трактатов и Конвенций,
заключенных Россией с иностранными
державами**

Том XV. Трактаты с Францией

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.Ф. Мартенс**
Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том XV. Трактаты с Францией / Ф.Ф. Мартенс – М.: Книга по Требованию, 2013. – 837 с.

ISBN 978-5-458-04977-1

«Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» — публикация документов дипломатической истории России XVII-XX вв, изданная в 15 томах в 1874-1909 Ф. Ф. Мартенсом. «Собрание» включает документы о взаимоотношениях России с Австрией (и Австро-Венгрией) — т. 1-4; с Пруссией (Германией) — т. 5-8; с Англией — т. 9-12; с Францией — т. 13-15. Все документы воспроизведены на языке подлинника и даны в русском переводе. Каждому тому предпослано введение, многие тексты договоров снабжены комментариями. Собрание Мартенса являлось наиболее полной публикацией такого рода, многие соглашения и секретные статьи к ним были воспроизведены впервые.

ISBN 978-5-458-04977-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

dépit de l'insistance du premier ministre au sujet de la convocation d'une conférence internationale, le Cabinet de Tuilleries ne refusa pas moins de signer le protocole du congrès de Troppau qui sanctionnait formellement le droit d'intervention dans les affaires intérieures des Etats étrangers. (Voir t. IV, partie I-e, pag. 281 et suiv).

On comprend que ce refus dût mécontenter à un haut degré l'Empereur Alexandre I et ses conseillers intimes. Toutefois le duc de Richelieu ne se laissa pas détourner de ses résolutions. En principe il approuvait complètement le droit légitime d'intervention dans les affaires intérieures des Etats et eut été disposé de le confirmer par sa signature. Bien plus, il consentait volontiers à l'application de ce principe au Royaume de Naples. Mais quant à la révolution d'Espagne, il s'y opposait formellement parceque l'opinion publique en France n'admettait pas l'idée d'une intervention étrangère dans ce pays. Tels sont les motifs pour lesquels le duc de Richelieu refusa d'apposer sa signature au protocole du congrès de Troppau. Par le fait de cette signature il eut été placé dans l'impossibilité de protester contre toute tentative d'intervention étrangère. (Lettre de Richelieu au comte Capodistrias du 30 septembre (12 octobre) 1820).

Ces arguments n'ébranlèrent nullement les convictions du gouvernement impérial quant à l'attitude qu'il crut devoir adopter dans cette question, posée par les événements. Les Cabinets aliés sont tenus d'appuyer par leurs efforts communs l'ordre de choses, créé par les traités de 1815. Celui qui tenterait de le violer devient par ce fait leur ennemie déclaré. Sous ce rapport ils avaient lieu d'espérer que la France ne se placerait pas au nombre de ces violateurs de l'ordre public européen.

Le gouvernement russe comptait en particulier que les représentants de la France eussent tenu le langage suivant au congrès de Troppau: „La révolution est frappée au cœur. Elle ne peut plus renaître en France. C'est aux institutions consacrées par la Charte constitutionnelle que la France, que l'Europe sont redevables de ce bienfait“. (Lettre du comte Capodistrias au duc de Richelieu du 14 (26) septembre 1820).

C'est la raison pour laquelle toute divergence entre les grandes puissances alliées présente de grands dangers et des mesures prises en dehors du concert des Cabinets, sont peu désirables, car elles trahissent la faiblesse de la grande alliance.

противъ революціонеровъ и несмотря на настоянія именно французскаго премьера создать международную конференцію, все-таки Тьюльерійскій кабинетъ отказался подписать протоколъ Троппаускаго конгресса, давшій торжественную саякцію праву вмѣшательства во внутреннія дѣла иностранныхъ государствъ. (См. т. IV, часть I, стр. 281 и слѣд.).

Весьма понятно, что этотъ отказъ вызвалъ большое неудовольствіе Императора Александра I и его ближайшихъ совѣтниковъ. Но дюкъ де Ришелье все-таки остался при своемъ первоначальномъ рѣшеніи. Въ принципѣ онъ совершенно оправдывалъ и готовъ былъ подписать начало законнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государства. Мало того: онъ готовъ былъ оправдать примѣненіе этого начала къ неаполитанскому королевству. Однако въ отношеніи испанской революціи Ришелье не могъ допустить примѣненія этого принципа, ибо общественное мнѣніе Франціи не допускало и мысли объ иностранномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Испаніи. Вотъ почему Ришелье отказался подписать протоколъ Троппаускаго конгресса. Подписавъ его, онъ лишился бы права протеста, противъ попытки вмѣшательства со стороны иностранныхъ государствъ въ испанскія дѣла. (Письмо Ришелье къ гр. Каподистрія отъ 30-го сентября (12-го октября) 1820 года).

Эти доводы нисколько не разубѣдили императорское правительство въ основательности его точки зрѣнія на поставленный событіями вопросъ. Союзные кабинеты обязаны общими силами поддерживать созданный трактатами 1815 года, порядокъ вещей. Всякій нарушитель ихъ является ихъ заклятымъ врагомъ. Въ этомъ смыслѣ они въ особенности рассчитывали, что сама Франція не окажется въ числѣ такихъ нарушителей основъ европейскаго спокойствія и порядка.

Въ частности, русское правительство надѣялось, что представители Франціи скажутъ на Троппаускомъ конгрессѣ: „Революція получила ударъ въ сердце. Она не въ состояніи возродиться во Франціи. Благодаря учрежденіямъ, созданнымъ конституціонною хартіею, Франція и Европа счастливы этимъ благополучіемъ“. (Письмо гр. Каподистрія къ дюку де Ришелье отъ 14-го (26-го) сентября 1820 г.).

Поэтому всякій разладъ между великими союзными державами чрезвычайно опасенъ и всякія отдѣльныя мѣропріятія весьма нежелательны: они обнаружатъ слабость великаго союза.

En vue de ces considérations le refus du gouvernement français de signer les protocoles de Troppau fut hautement désapprouvé par l'Empereur Alexandre qui chargea le comte Capodistrias d'exposer en détail au duc de Richelieu toute la fausseté de son point de vue dans cette question. Le comte Capodistrias s'acquitta scrupuleusement de cette mission dans une lettre du 15 (27) décembre 1820. Mais l'éloquence et les talents de l'éminent homme d'Etat russe ne réussirent pas à ébranler le duc de Richelieu dans ses résolutions, une fois arrêtées. Dans la suite les décisions prises par le congrès de Vérone donnèrent pleine satisfaction à l'amour propre et aux intérêts particuliers de la France dans la question d'Espagne.

C'est au congrès de Laybach que furent mises à exécution les mesures, arrêtées par les souverains alliés au congrès de Troppau au sujet du royaume de Naples (voir t. IV, partie I-re, pag. 287 et suiv; t. XI, pag. 275 et suiv).

Le roi Louis XVIII ne donna pas suite à l'invitation qui lui fut adressée de se rendre à cette réunion diplomatique. L'Empereur Alexandre I lui en exprima ses sincères regrets „car le salut de la France est identifié avec celui du monde“. (Lettre du Tsar au roi de France du 30 avril (12 mai) 1821).

Mais il est certain que dans le cours des pourparlers au congrès de Laybach, l'Empereur Alexandre était sérieusement préoccupé de l'impression que produirait en France la mission, confiée à l'Autriche de prendre des mesures de repression militaire contre la population de Naples. Ne serait-on pas dans la nécessité de recourir à des mesures analogues contre les révolutionnaires d'Espagne?

Avec l'autorisation de l'Empereur le comte Capodistrias faisait part au duc de Richelieu, dans ses lettres de Laybach, des espérances et des impressions qui préoccupaient l'esprit de l'auguste ami de la France. Le premier ministre savait par les témoignages de l'ambassadeur de Russie, que l'Empereur était satisfait de la situation actuelle de la France, grâce à l'attitude du nouveau Cabinet qui soutenait „le principe incontestable de force, de persévérance, de stabilité“. (Dépêche du comte Nesselrode à Pozzo di Borgo du 15 juillet 1820).

Le duc de Richelieu connaissait parfaitement tous les arguments qui militaient en faveur d'un concours de la France aux délibérations du congrès de Laybach. Il n'accueillait pas moins

Въ виду этихъ соображеній отказъ французскаго правительства подписать протоколы Труппаускаго конгресса долженъ былъ вызвать сильное осужденіе со стороны Императора Александра I. Онъ поручилъ графу Каподистрія подробно и убѣдительно доказать дюку де Ришелье ошибочность его точки зрѣнія на этотъ предметъ. Это Высочайшее повелѣніе было добросовѣстно исполнено въ письмѣ гр. Каподистрія отъ 15-го (27-го) декабря 1820 года. Но все краснорѣчіе и весь талантъ знаменитаго русскаго государственнаго человѣка не въ состояніи были поколебать дюка де Ришелье въ принятомъ рѣшеніи. Впослѣдствіи рѣшеніе Веронскаго конгресса дало полное удовлетвореніе самолюбію и особеннымъ интересамъ Франціи въ отношеніи Испаніи.

На конгрессѣ въ Лайбахѣ были приведены въ исполненіе рѣшенія союзныхъ монарховъ относительно неаполитанскаго королевства, принятія въ принципѣ на Труппаускомъ конгрессѣ (См. т. IV, часть I, стр. 287 и слѣд.; т. XI, стр. 275 и слѣд.).

Король Людовикъ XVIII не принялъ приглашенія и не поѣхалъ въ Лайбахъ. Императоръ Александръ I выразилъ ему свое искреннее сожалѣніе, ибо „благополучіе Франціи идентично съ благополучіемъ всего міра“. (Письмо Царя къ французскому королю отъ 30-го апрѣля (12-го мая) 1821 года).

Но нѣтъ сомнѣнія, что во время переговоровъ на Лайбахскомъ конгрессѣ, Императоръ Александръ I постоянно былъ занятъ вопросомъ: какое впечатлѣніе произведетъ во Франціи порученная конгрессомъ Австріи экзекуція противъ неаполитанскаго народа? Не понадобится ли такая же экзекуція противъ испанскихъ революціонеровъ?

Графъ Каподистрія, съ Высочайшаго соизволенія, писалъ дюку де Ришелье изъ Лайбаха о впечатлѣніяхъ и надеждахъ, которымъ предается царственный другъ Франціи. Первый ея Министръ зналъ изъ устъ русскаго посла, что русскій Императоръ доволенъ нынѣшнимъ состояніемъ Франціи, благодаря новому министерству, поддерживающему „прочные принципы власти, постоянства и устойчивости“. (Депеша гр. Нессельроде къ Поццо ди Борго отъ 15-го іюля 1820 г.).

Ришелье зналъ всѣ доводы, говорившіе въ пользу дѣятельнаго участія Франціи въ дѣлахъ Лайбахскаго конгресса. Но все таки онъ относился съ крайнею осторожностью къ принятымъ

avec une grande réserve les décisions qui y étaient prises. Il se défiait sérieusement de la politique du prince de Metternich et redoutait que les Autrichiens ne prolongeassent leur séjour dans le royaume de Naples bien au delà du terme, nécessaire pour l'accomplissement de leur mission.

Dans une lettre du 1 (13) février 1821, le comte Capodistrias s'applique à rassurer les craintes de son ami, le duc de Richelieu quant aux conséquences immédiates du congrès de Laybach. A son avis, elles ne sauraient qu'exercer une action très bienfaisante en Italie, aussi bien qu'en Espagne.

„Le sort de Naples“, écrivait le comte Capodistrias, „et les mesures qui l'auront décidé, ouvriront peut-être les yeux aux révolutionnaires d'Espagne, sur le mal qu'ils font à leur pays, et les forceront à sentir tout le poids de la responsabilité qui retombera sur leurs têtes“

„Si vous parvenez“, poursuit le secrétaire d'Etat russe, „à éclairer l'Espagne, et si pour y répandre d'utiles lumières vous gagnez du temps à ses destinées, vous aurez la gloire de la sauver. Cette gloire est belle, mais je dirai plus, elle vous est nécessaire. C'est à Madrid peut-être que se décideront les progrès et l'affermissement de la monarchie légitime et constitutionnelle en France. La cause est une, l'ennemi à vaincre le même, et il n'y a pour le combattre qu'une seule arme; celle de cette constitutionnalité sage, franche et volontaire que vous employez avec tant de succès depuis que vous êtes à la tête des conseils de sa Majesté Très-Chrétienne“.

L'Empereur Alexandre I développait ces mêmes pensées dans une lettre, adressée au duc de Richelieu, de Laybach le 12 (24) mars 1821. Il recommande au premier ministre de France d'appliquer tous ses soins au rétablissement de l'ordre légal en Espagne. Par ce mode d'action, il peut être sûr non seulement d'acquérir des titres à la reconnaissance de l'Europe, mais encore de consolider l'ordre de choses établi en France.

Richelieu accueillait avec reconnaissance ces bons conseils sans trop se rendre compte par quels moyens il aurait pu rétablir en Espagne l'ancien régime d'absolutisme et y faire cesser l'anarchie? Il ne croyait pas avoir ces moyens à sa disposition. Selon lui, il ne devait et ne pouvait qu'insister sur le principe de non-intervention dans les affaires intérieures d'Espagne. Dans cette question le gouvernement français ne pouvait faire aucune concession.

тамъ рѣшеніямъ. Ришелье питалъ глубокое недовѣріе въ политикѣ князя Меттерниха и серьезно боялся, что Австрійцы останутся въ предѣлахъ неаполитанскаго королевства дольше, чѣмъ того требуютъ задачи экзекуціи.

Графъ Каподистрія, въ письмѣ отъ 1-го (13-го) февраля 1821 г., видимо старается успокоить своего друга Ришелье насчетъ непосредственныхъ послѣдствій Лайбахскихъ рѣшеній. По его убѣжденію, ихъ вліяніе должно быть самое благотворное не только въ Италиі, но также въ Испаніи.

„Судьба Неаполя“, писалъ гр. Каподистрія, „и мѣры, ею вызванныя, можетъ быть отвергнутъ глаза испанскимъ революціонерамъ насчетъ зла, причиняемаго ими родинѣ, и заставятъ ихъ почувствовать всю тяжесть отвѣтственности, падающей на ихъ головы“...

„Если вы можете“, продолжалъ русскій статсъ-секретарь, „вразумить Испанію, и если вы отсрочите рѣшеніе ея судьбы, прививъ ей трезвые взгляды на вещи, то вамъ будетъ принадлежать честь быть ея спасителемъ. Это прекрасная слава, но сважу больше, она вамъ нужна. Можетъ быть въ Мадридѣ рѣшится вопросъ о развитіи и укрѣпленіи законотѣрной и конституціонной монархіи во Франціи. Одна цѣль и одинъ врагъ, котораго нужно поборотъ. Для его пораженія имѣется только одно оружіе, тотъ разумный, открытый и сознательный конституціонализмъ, котораго вы столь успѣшно придерживаетесь съ тѣхъ поръ, какъ вы стоите во главѣ совѣта Ея Христіаннѣйшаго Величества“.

Эти самыя мысли развивалъ Императоръ Александръ въ своемъ письмѣ къ дюку де Ришелье отъ 12 (24-го) марта 1821 года изъ Лайбаха. Онъ убѣждаетъ французскаго премьера-министра приложить всѣ свои старанія для восстановленія въ Испаніи законнаго порядка. Такимъ образомъ дѣйствія онъ не только приобрѣтетъ право на признательность Европы, но онъ также укрѣпитъ въ самой Франціи законный порядокъ вещей.

Ришелье съ благодарностью принималъ эти добрые совѣты, но онъ не могъ себѣ уяснить: какими же мѣрами можетъ онъ восстановить въ Испаніи прежній порядокъ абсолютизма и прекратить господство тамъ анархіи? Такихъ средствъ онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Онъ только можетъ и долженъ настаивать на не вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Испаніи. Въ этомъ вопросѣ французское правительство никакихъ уступокъ сдѣлать не можетъ.

C'est dans ce même sens que Richelieu s'énonçait dans les lettres qu'il adressait directement à l'Empereur Alexandre en 1821. Ainsi dans celle du 26 mars (7 avril) il s'applique à démontrer au Tsar que ses craintes au sujet de l'instabilité de l'état de choses en France étaient mal fondées. Il le supplie de ne pas accorder de confiance aux ennemis de la France qui répandent avec intention des nouvelles alarmantes et, selon sa conviction intime, une nouvelle révolution en France dans un avenir rapproché est tout-à-fait inadmissible.

Toutefois, la révolution d'Espagne ne laisse pas que d'offrir de sérieux dangers pour la France à cause de la grande extension de la frontière commune et d'une certaine solidarité d'intérêts. Ce danger pourrait s'aggraver considérablement, si les grandes puissances alliées venaient à réaliser leur projet d'intervenir dans les affaires intérieures de ce pays. C'est ce que ne saurait tolérer la nation française qui a le droit de sympathiser aux aspirations des Espagnols à obtenir un régime politique plus satisfaisant.

Dans ses rapports Pozzo di Borgo confirmait en tous points les vues ci-dessus énoncées du gouvernement français sur l'ordre de choses en Europe. D'après son témoignage, le roi lui-même, aussi bien que son gouvernement redoutent en général tout mouvement révolutionnaire. Dans le fond de leur pensée, ils approuvaient les mesures, entreprises par les grandes puissances alliées contre les révolutionnaires de Naples à la condition expresse du maintien de la paix en Europe. Si des mesures analogues avaient pu être appliquées à l'Espagne sans provoquer de protestation de la part de la nation française, ni le Roi, ni Richelieu n'eussent jugé nécessaire de s'y opposer. Mais ils se rendaient parfaitement compte qu'une intervention étrangère en Espagne, souleverait en France un torrent d'indignation et serait le signal d'une révolution et d'une guerre imminente. (Rapports de Pozzo di Borgo du 2 (14) juin 1821 et autres).

En attendant l'Empereur Alexandre était disposé de faire toute espèce de sacrifices pour assurer le maintien de l'ordre intérieur en France. Il était convaincu qu'aussi longtemps que le duc de Richelieu se trouvait placé à la tête du gouvernement, ce but essentiel de la politique russe pouvait être considéré comme atteint. Il jugeait opportun en même temps de ménager l'amour propre des Français et de ne pas intervenir sans cesse dans leurs affaires

Въ этомъ смыслѣ высказывался Ришелье въ своихъ собственноручныхъ письмахъ къ Императору Александру I за 1821 годъ. Такъ, въ письмѣ отъ 26-го марта (7-го апрѣля), онъ доказываетъ русскому Царю, что всѣ его опасенія насчетъ неустойчивости внутреннихъ порядковъ Франціи совершенно неосновательны. Онъ умоляетъ его не вѣрить врагамъ французскаго народа, которые умышленно распространяютъ тревожныя извѣстія, и онъ высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что новая революція во Франціи въ ближайшемъ будущемъ совершенно немыслима.

Однако, испанская революція представляетъ для Франціи огромную опасность, благодаря близости интересовъ и общности границъ. Эта великая опасность сдѣлается непреодолимою, если великія союзныя державы позволятъ себѣ вмѣшаться во внутреннія дѣла Испаніи. Этого не можетъ допустить французскій народъ, имѣющій право сочувствовать стремленію испанцевъ къ улучшенію своихъ государственныхъ порядковъ.

Поццо ди Борго вполне подтверждалъ, въ своихъ донесеніяхъ, только что изложенные взгляды французскаго правительства на положеніе вещей въ Европѣ. По его словамъ, какъ самъ король, такъ и его правительство вообще боятся всякаго революціоннаго движенія. Они сочувствовали въ душѣ мѣропріятіямъ великихъ союзныхъ державъ противъ неаполитанскихъ революціонеровъ, подъ неперемѣннымъ условіемъ сохраненія спокойствія и мира въ Европѣ. Еслибъ такія же мѣры могли быть приняты противъ Испаніи, безъ протеста со стороны французскаго народа, ни король, ни Ришелье не считали бы нужнымъ имъ противиться. Но они знали, что иностранное вмѣшательство въ дѣла Испаніи вызоветъ во Франціи взрывъ негодованія и неминуемость революціи и войны. (Донесенія Поццо ди Борго отъ 2-го (14) іюня 1821 года и другія).

Между тѣмъ Императоръ Александръ готовъ былъ принести всевозможныя жертвы для сохраненія во Франціи внутренняго порядка. Онъ былъ убѣжденъ, что пока дюкъ де Ришелье находится во главѣ французскаго правительства, эта главная цѣль русской политики можетъ считаться обезпеченной. Въ то же время онъ считалъ необходимымъ щадить законное самолюбіе французовъ и не вмѣшиваться постоянно въ ихъ внутреннія дѣла

intérieures. On recommandait à Pozzo di Borgo d'agir sur ce terrain „avec une sage réserve“, la moindre imprudence pouvant facilement amener de sérieuses complications. (Dépêche du comte Nesselrode du 29 août (10 septembre) 1821).

Mais il est curieux que l'habitude de l'Empereur Alexandre de se considérer comme le gardien souverain de la paix intérieure de la France, avait tellement pris racine dans son esprit que dans cette même dépêche, immédiatement après les sages recommandations faites à l'ambassadeur de n'intervenir que dans les cas extrêmes dans l'administration intérieure du pays, on lui adresse en quelque sorte un contre-ordre.

„Si vous vous aperceviez néanmoins“, écrivait le comte Nesselrode à l'ambassadeur dans sa dépêche du mois d'août, „que des hommes inutiles à signaler, et dont la nomination au Ministère français serait une calamité européenne, fussent près d'être replacés à la tête du gouvernement, vous ne balanceriez pas à vous expliquer sur ce point dans le sens de vos instructions antérieures, non seulement avec le duc de Richelieu, mais avec le roi lui-même“.

Malheureusement, ces contradictions flagrantes se présentent souvent dans la politique de l'Empereur Alexandre I. Elles se produisent particulièrement dans les occasions, où il s'agit de faire valoir des prétentions que ne sauraient justifier aucun principe de droit et d'équité. Il faut placer dans cette catégorie le contrôle que la politique russe de l'époque prétendait exercer sur la lutte des partis politiques en France et sur les actes du gouvernement et du roi lui-même.

Il est certain que le gouvernement impérial mettait bien plus de conséquence et de suite dans la défense des intérêts légitimes de la nation russe à l'égard des puissances étrangères. Dans ces circonstances l'Empereur Alexandre I subissait généralement l'influence des intérêts réels de la nation et des traditions de la politique étrangère russe.

L'action de ces facteurs s'est fait particulièrement sentir dans la politique de l'Empereur Alexandre à l'égard de la Porte. Lorsque à la suite de l'insurrection des Grecs, la question d'Orient fut mise à l'ordre du jour, l'Empereur Alexandre accueillit le soulèvement des chrétiens avec une rigueur de jugement extrême. A ses yeux ce n'étaient que des révolutionnaires et des perturbateurs. Mais sous l'influence des senti-

Поццо ди Борго было предписано относиться съ „мудрою осторожностью“ къ внутреннимъ дѣламъ Франціи, ибо всякая неосторожность можетъ вызвать серьезные осложненія. (Донесеніе гр. Нессельроде отъ 29 августа (10-го сентября) 1821 г.).

Однако, весьма любопытно, что привычка Императора Александра I считать себя верховнымъ покровителемъ внутренняго мира Франціи, настолько укоренилась въ его умѣ, что въ той-же депешѣ, и непосредственно за вышеприведеннымъ разумнымъ наставленіемъ послу не вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны, кромѣ какъ въ крайнихъ случаяхъ, ему дается совершенно противоположный совѣтъ.

„Если вы все таки увидите“, писалъ послу гр. Нессельроде въ августовской депешѣ, „что лица, называть которыхъ вѣтъ надобности, но вступленіе которыхъ во французское министерство было бы европейскимъ бѣдствіемъ, получаютъ шансы быть поставленными во главѣ правительства, вы не будете колебаться и объяснитесь по этому поводу, въ смыслѣ прежнихъ инструкцій, не только съ дюкомъ де Ришелье, но и съ самимъ королемъ“.

Къ сожалѣнію, подобныя явныя самопротиворѣчія часто встрѣчаются въ политикѣ Императора Александра I. Въ особенности рельефно они выступаютъ при защитѣ претензій, которыя не оправдываются никакими принципами права или справедливости. Къ такимъ претензіямъ тогдашней русской политики нельзя не отнести постоянный контроль за борьбою политическихъ партій во Франціи, за поступками французскаго правительства и самого короля.

Несомнѣнно большею послѣдовательностью отличался образъ дѣйствія императорскаго правительства при защитѣ законныхъ интересовъ русскаго народа въ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ. Въ этихъ случаяхъ Императоръ Александръ I обыкновенно поддавался вліянію насущныхъ интересовъ русскаго народа и традицій русской внѣшней политики.

Особенно наглядно проявляютъ свое дѣйствіе эти факторы на политику Императора Александра въ отношеніи Турціи. Когда возстаніе Грековъ опять поставило на очередь пресловутый Восточный вопросъ, Императоръ Александръ отнесся съ крайнею суровостью къ возставшимъ христіанамъ. Въ его глазахъ они были только революціонерами и бунтовщиками. Но подъ вліяніемъ естественныхъ чувствъ

ments intimes de la nation et des traditions glorieuses de la politique russe il modifie peu à peu le cours de ses idées et de son action. (Voir t. IV, partie I-re, pag. 304 et suiv.; t. XI, pag. 264 et suiv).

Dans ces conjonctures, on comprend le désir du Cabinet impérial de s'assurer le concours du gouvernement français. Pozzo di Borgo fut chargé d'obtenir du Cabinet des Tuilleries les promesses les plus formelles à ce sujet. Mais il devait dès le principe décliner toute tentative de médiation entre la Russie et la Porte, ainsi que l'exigeaient les traditions de la politique russe en Orient. Il est vrai que le gouvernement impérial désirait voir les puissances alliées soutenir auprès de la Porte son point de vue sur les affaires de Turquie dans l'espoir „qu'une cause qui serait uniquement russe aujourd'hui, puisse devenir, par le concours de tous les gouvernements alliés, une cause européenne“. Toutefois la Russie se réserve le droit de trancher la question et ne saurait rester indifférente en présence de la violation par la Porte des engagements contractés.

L'Empereur Alexandre dit aux puissances alliées: „Faites tout ce qui est en votre pouvoir collectivement ou isolément pour ramener les Turcs à la justice et à la raison. Si vos efforts manquent leur but, concertez vous avec nous pour délivrer l'Orient du double fléau qui le désole: du fléau des Turcs et du fléau de la révolution“. (Dépêche du comte Nesselrode du 29 août. (10 septembre) 1821).

Il s'entend de soi-même qu'aussi longtemps que le duc de Richelieu était placé à la tête du gouvernement français, l'Empereur Alexandre pouvait compter d'une manière absolue sur le concours que prêterait la France aux vues de la politique russe à l'égard de la Porte. En effet le représentant de la France à Constantinople appuyait consciencieusement son collègue de Russie. (Dépêche du comte Nesselrode au Pozzo di Borgo du 7 (19) octobre 1821).

Mais en décembre 1821, le duc de Richelieu se vit forcé une seconde fois de prendre sa retraite et c'est Villèle qui fut appelé au poste de chef de Cabinet. Le Ministère des Affaires Etrangères fut confié au duc de Montmorency.

Avant d'apprécier le caractère du nouveau Cabinet, nous croyons devoir dire quelques mots au sujet de la mort du duc de Richelieu, décédé dans le cours du mois de mai 1822. Le duc tomba victime d'une intrigue de Cour, à la

русского народа и блестящихъ преданій русской политики онъ, мало по малу, совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей и дѣйствій. (См. т. IV, часть I-я, стр. 304 и слѣд.; т. XI, стр. 264 и слѣд.).

Совершенно понятно было желаніе императорскаго кабинета имѣть за собою въ Восточномъ вопросѣ союзную помощь французскаго правительства. Поццо ди Борго было поручено добиться въ этомъ отношеніи самыхъ положительныхъ обѣщаній со стороны Тьюльерійскаго кабинета. Но съ самаго начала онъ долженъ былъ отклонить всякую попытку посредничать между Россіей и Турціей,—какъ этого требовали традиціи русской восточной политики. Правда, императорское правительство желаетъ, чтобъ союзныя державы поддерживали предъ Портою русскую точку зрѣнія на турецкія дѣла и чтобъ „дѣло, которое сегодня исключительно русское, могло съ помощью всѣхъ союзныхъ правительствъ обратиться въ европейское“. Однако, право рѣшительнаго голоса Россія оставляетъ за собою и не можетъ оставаться равнодушной къ нарушеніямъ Турціей принятыхъ въ отношеніи ея обязательствъ.

Императоръ Александръ сказалъ союзнымъ державамъ слѣдующее: „Дѣлайте все, что въ вашихъ силахъ, общимъ совѣтомъ или отдѣльно, для возвращенія Турокъ въ границы справедливости и разума. Если ваши старанія будутъ тщетны, соединитесь съ нами для освобожденія Востока отъ двойнаго зла, его отягочающаго: „отъ зла Турокъ и зла революціи“. (Депеша гр. Нессельроде отъ 29-го августа (10-го сентября) 1821 года).

Само собою разумѣется, что пока дюкъ де Ришелье стоялъ во главѣ французскаго правительства, Императоръ Александръ I могъ быть совершенно увѣренъ, что Франція будетъ поддерживать виды русской политики въ отношеніи Турціи. И дѣйствительно представитель Франціи въ Константинополѣ добросовѣстно поддерживалъ своего русскаго коллегу. (Депеша гр. Нессельроде къ Поццо ди Борго отъ 7-го (19-го) октября 1821 года).

Но въ декабрѣ 1821 года Ришелье вторично долженъ былъ подать въ отставку, и во главѣ французскаго правительства сталъ Вильель. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ перешло въ руки дюка де Монморанси.

Раньше, чѣмъ дать характеристику этого новаго кабинета, необходимо сказать нѣсколько словъ о кончинѣ Ришелье, послѣдовавшей въ маѣ 1822 года. Дюкъ сдѣлался жертвою придворной интриги, во главѣ которой находилась

tête de laquelle se trouvait M-me du Caylas, la maîtresse du vieux roi. L'âme et l'inspirateur secret de toute cette manœuvre était „Monsieur,“ comte d'Artois, frère du Roi et héritier du trône. Après sa démission, Richelieu resta à Paris. Il se proposait d'entreprendre au mois de mai un grand voyage en Europe et de se rendre par Vienne à Odessa, ville qu'il aimait tout particulièrement comme l'oeuvre de ses mains. Un coup d'apoplexie dont il fut frappé empêcha l'exécution de ce plan.

L'Empereur Alexandre fut fortement ému de cette triste nouvelle. Il aimait sincèrement et respectait cet homme d'Etat français sur le compte duquel Pozzo di Borgo écrivait que „la France a raison de le pleurer et l'Europe le regretter très vivement.“ (Rapport du 5 (17) mai 1822). D'après son témoignage Richelieu n'était pas un homme d'Etat d'un génie exceptionnel, mais „son nom, son intégrité stoïque, la pureté de sa conduite antérieure, l'indépendance dans laquelle il était placé vis-à-vis de tous les partis, le désintéressement poussé au dernier degré et finalement la modération de ses opinions, formaient un assemblage précieux qui n'admettait pas de comparaison. Expulsé des affaires par la plus vile intrigue qui ait jamais été ourdie aux Tuilleries, il était resté entre les gladiateurs des deux parties, au milieu de l'arène“. (Rapport de Pozzo di Borgo du 14 (26) mai 1822).

Malgré les grands et incontestables services que Richelieu rendit à la France et au roi Louis XVIII lui-même, celui-ci manifesta une indifférence révoltante en apprenant la mort du duc. Il alla jusqu'à défendre à sa garde de suivre le convoi funèbre et de rendre les derniers honneurs au défunt. D'après les informations de l'ambassadeur de Russie, M-me de Caylas s'y était opposée et les symptômes de ramollissement sénile du roi se faisaient sentir de plus en plus. Ce n'est que par cette raison que l'ambassadeur de Russie expliquait cette noire ingratitude du roi à l'égard de Richelieu et sa retraite que rien ne pouvait justifier.

Quant au ministère du comte de Villèle, Pozzo di Borgo n'éprouvait pour lui ni confiance, ni sympathie. Selon lui on ne devait faire fond ni sur Villèle, ni sur Montmorency bien que ces deux ministres assuraient unanimement l'ambassadeur de Russie qu'ils n'apporteraient aucune modification à la politique, suivie par le duc de Richelieu.

любовника престарѣлаго короля, г-жа дю Кела. Душою и закулиснымъ дирижеромъ интриги былъ графъ д'Артуа, „Мосье“, братъ и законный наследникъ короля. Послѣ своей отставки, Ришелье оставался въ Парижѣ. Но въ маѣ онъ собирався предпринять большое путешествіе по Европѣ. Черезъ Вѣну онъ предполагалъ поѣхать въ Одессу,—городъ, который онъ искренно любилъ, какъ свое законное дѣтище. Постигшій его ударъ предупредилъ исполненіе этого плана.

На Императора Александра это грустное извѣстіе произвело самое потрясающее впечатлѣніе. Онъ искренно любилъ и уважалъ покойнаго французскаго государственнаго мужа, о которомъ Поццо ди Борго писалъ, что „Франція имѣетъ основаніе его оплакивать и Европа искреннѣйшимъ образомъ сожалѣть о немъ“. (Донесеніе отъ 5-го (17-го) мая 1822 г.). По его словамъ, Ришелье не былъ особенно выдающимся государственнымъ человѣкомъ, но „его имя, его стоическая неподкупность, чистота его прежняго поведенія, независимость, въ которой онъ находился по отношенію ко всѣмъ партіямъ, безкорыстіе, доведенное до крайности и, наконецъ, умѣренность его убѣжденій, — все это составляло драгоцѣнное цѣлое, недопускавшее сравненія. Будучи отстраненъ отъ дѣлъ вслѣдствіе самой подлой интриги, которая когда либо замышлялась въ Тюльерійскомъ дворцѣ, онъ остался между гладиаторами обѣихъ партій, на серединѣ арены“. (Донесеніе Поццо ди Борго отъ 14-го (26-го) мая) 1822 г.).

Несмотря на несомнѣнные и большія заслуги Ришелье передъ Франціей и самимъ королемъ Людовикомъ XVIII, послѣдній обнаружилъ возмутительное равнодушіе, когда узналъ о кончинѣ дюка. Онъ даже не позволилъ своей гвардіи проводить гробъ и отдать усопшему послѣднія почести. По словамъ русскаго посла, мадамъ дю Кела этого не позволила, и признаки старческаго равложенія короля обнаруживались все съ большею силою. Только этими причинами русскій посолъ могъ объяснить черную неблагодарность короля въ отношеніи Ришелье и ничѣмъ не оправдываемую его отставку.

Къ министерству гр. Вильгель Поццо ди Борго не питалъ ни довѣрія, ни симпатіи. Ни на Вильгель, ни на Монморанси, по его словамъ, положиться нельзя, хотя оба министра въ одинъ голосъ увѣряли русскаго посла, что они рѣшительно ничего не измѣнятъ въ политикѣ, которой держался Ришелье.

C'est un devoir d'équité de constater que les deux Ministres s'appliquaient sérieusement à mériter la confiance du gouvernement russe. Le comte Laferronnays, ambassadeur de France, reçut l'ordre de Paris de solliciter une audience de l'Empereur pour lui donner l'assurance „qu'ils suivraient les mêmes principes de modération, la même marche politique, que le Conseil, présidé par M-r de Richelieu, et prier l'Empereur de leur accorder, à ce titre, la même confiance.“ (Dépêche du comte Nesselrode du 23 janvier (4 février) 1822).

En faisant part de cette démarche de l'ambassadeur de France, le comte Nesselrode ajoute que l'Empereur daigna recevoir le comte Laferronnays, et lui répondit qu'il se félicitait sincèrement des assurances données au nom du nouveau gouvernement français.

Il affirma à l'ambassadeur de France qu'il ne désirait pour son pays que le maintien de la paix et de la tranquillité.

Dans ces vues on recommanda d'ordre suprême à Pozzo di Borgo de prêter au nouveau Cabinet „toute assistance dont un Ministre étranger peut appuyer un gouvernement sans dépasser les limites de ses attributions“.

L'Empereur désapprouvait hautement, poursuit le comte Nesselrode, l'attitude de quelques représentants d'autres puissances à Paris, qui s'étaient permis d'exprimer ouvertement leur déplaisir à l'occasion de la nomination des nouveaux ministres. De semblables réflexions trahissent „des combinaisons toujours étroites et fausses d'une politique surannée.“

Selon l'avis de l'Empereur il faut par tous les moyens consolider et soutenir l'alliance des grandes puissances; aussi désire-t-il que son ambassadeur à Paris parvienne à persuader ses collègues, les membres du corps diplomatique à appuyer les nouveaux ministres français, s'ils réussissent à sauvegarder l'ordre et la tranquillité en France.

Ces observations ne visaient pas seulement les représentants de quelques puissances qui se permettaient de blâmer ouvertement les membres du nouveau Cabinet, mais, par ricochet, Pozzo di Borgo lui-même, qui ne dissimulait pas son déplaisir à l'occasion de la démission du duc de Richelieu. Ce qui le reconcilia avec le Cabinet du comte de Villèle, c'est la pensée que le duc de Talleyrand ne réussit pas à en faire partie et à s'emparer des rênes du pouvoir.

Справедливость требует сказать, что новое французское министерство серьезно старалось заслужить доверіе русскаго правительства. Французскій посолъ Лаферроннэ получилъ приказаніе изъ Парижа исходатайствовать у Государя аудиенцію съ цѣлью увѣрить его, что новые французскіе министры будутъ „слѣдовать тѣмъ же принципамъ умѣренности и тому же политическому направленію, которому слѣдовалъ кабинетъ дюка де Ришелье; и просить Императора оказать имъ, на этомъ основаніи, то же самое довѣріе“. (Депеша гр. Нессельроде отъ 23-го января (4-го февраля) 1822 года).

Сообщая объ этомъ шагѣ французскаго посла, гр. Нессельроде прибавляетъ, что Государю угодно было принять гр. Лаферроннэ, выслушать его и отвѣтить, что онъ искренно радуется такому завѣренію отъ имени новаго французскаго правительства.

Онъ увѣрялъ французскаго посла, что онъ желаетъ для Франціи только внутренняго мира и порядка.

Въ виду этой цѣли Поццо ди Борго было Высочайше предписано оказывать новому министерству „всякую моральную поддержку, которую только можетъ представитель иностранной державы оказывать какому либо правительству безъ нарушенія границъ своей компетенціи“.

Государь совершенно не одобряетъ, продолжаетъ гр. Нессельроде, если представители нѣкоторыхъ другихъ державъ въ Парижѣ позволили себѣ открыто выражать свое неудовольствіе по поводу назначенія новыхъ министровъ. Такія разсужденія обнаруживаютъ „комбинаціи, всегда узкія и ошибочныя, отсталой политики“.

По мнѣнію Государя, нужно всѣми силами укрѣплять и поддерживать союзъ великихъ державъ, и потому онъ желаетъ, чтобы его посолъ въ Парижѣ убѣждалъ своихъ коллегъ, членовъ дипломатическаго корпуса, поддерживать новыхъ французскихъ министровъ, если они въ состояніи сохранить внутренній порядокъ и спокойствіе во Франціи.

Эти замѣчанія относились не только къ „представителямъ нѣкоторыхъ державъ“, позволявшимъ себѣ открыто осуждать членовъ новаго французскаго кабинета, но рикошетомъ также и къ самому Поццо ди Борго, который не скрывалъ своего неудовольствія по поводу отставки Ришелье. Его примирила съ кабинетомъ гр. Вильеля только та мысль, что князю Талъерану не удалось попасть въ кабинетъ и захватить въ свои руки бразды правленія.

L'ambassadeur arriva peu à peu à reconnaître que le comte Villèle avait plus de capacités que tous les autres membres du Cabinet, pris ensemble. „Son esprit fin et suffisamment juste“, écrivait-il à St. Pétersbourg le 14 (26) mai 1822, „lui a fait sentir que la légitimité du trône et la majorité légale des deux Chambres“ sont des éléments vitaux avec lesquels il faut compter.

L'Empereur Alexandre I recommandait à son ambassadeur à Paris d'user de plus d'impartialité et de circonspection dans ses rapports avec le nouveau Ministère, „Continuez“, lui écrivait le comte Nesselrode, „à ne pas vous écarter de la réserve que vous vous êtes sagement prescrite. Coopérez au bien, sans sortir des bornes de vos attributions, toutes les fois que vous pourrez y contribuer par votre langage, par l'expression des sentiments de l'Empereur, par celle des vœux qu'il forme pour la tranquillité de la France, et des regrets qu'il éprouverait, si des changements funestes devaient reporter sur elle, les inquiétudes et peut-être les moyens d'action de l'alliance générale. C'est là, pour ainsi dire, la formule de notre politique envers le Cabinet des Tuilleries“. (Dépêche du 23 janvier (4 février) 1822).

Cet appel de l'Empereur à l'observation d'une plus grande réserve de paroles ne se rapportait pas exclusivement aux rapports de Pozzo di Borgo avec les membres du nouveau ministère français. L'ambassadeur n'aimait pas également l'Angleterre et en particulier son représentant à Paris. Il ne se gênait pas de développer ouvertement la thèse que l'Angleterre était à la tête de tout le mouvement révolutionnaire en Europe et que le foyer en était sur le territoire anglais.

Dans une lettre particulière du 7 (19) mars 1822, le comte Nesselrode attira l'attention de Pozzo di Borgo sur le fait que les journaux lui attribuaient „des propos menaçants contre l'Angleterre, un langage impérieux, des saillies piquantes“. Il est vrai, ajoute le comte Nesselrode, que l'Empereur n'ajoute aucune foi à ces calomnies, mais il ne conseille pas moins à l'ambassadeur d'observer „des formes et des ménagements“ dans ses rapports avec le représentant de l'Angleterre.

On comprend que de semblables recommandations paternelles ne devaient pas être agréables pour l'amour propre de Pozzo di Borgo qui connaissait parfaitement sa propre valeur. Il contestait catégoriquement les préventions qu'on lui imputait et continua à se réserver

Только мало по малу русский посоль прішель къ сознанию, что у гр. Вильель больше способностей, чѣмъ у всѣхъ другихъ членовъ кабинета взятыхъ вмѣстѣ. „Его острый и достаточно здравый умъ“, писалъ онъ въ Петербургъ 14-го (26-го) мая 1822 года, „убѣдили его въ томъ, что легитимность престола и законѣрное большинство обѣихъ палатъ“ суть такіе жизненные факторы, съ которыми онъ обязанъ считаться.

Императоръ Александръ I наставлялъ своего посла въ Парижѣ въ смыслѣ бѣльшаго безпристрастія и осторожности въ сношеніяхъ съ новымъ министерствомъ. „Продолжайте“, писалъ ему гр. Нессельроде, „сохранять ту осторожность, которой вы самымъ разумнымъ образомъ держались. Содѣйствуйте добру, не выходя изъ границъ вашихъ функций, всякій разъ, когда вы можете тому содѣйствовать вашими словами, выраженіемъ чувствъ Государя, его благожеланій на пользу спокойствія во Франціи и сожалѣній, которыя онъ испыталь бы, еслибъ пагубныя перемѣны вызвали опасенія и, быть можетъ, какія либо мѣтропріятія со стороны всеобщаго союза. Вотъ въ чемъ заключается, такъ сказать, формула нашей политики въ отношеніи Тьюльерійскаго кабинета“. (Депеша отъ 23-го января (4 февр.) 1822 года).

Этотъ призывъ Государя къ соблюденію большей осторожности въ словахъ относился не только къ формамъ обращенія Поццо ди Борго съ членами новаго французскаго министерства. Посоль также не любилъ Англіи и, въ частности, тогдашняго представителя ея въ Парижѣ. Онъ почти открыто развивалъ ту тему, что Англія стоитъ во главѣ всего революціоннаго движенія въ Европѣ и что на англійской территоріи находится очагъ ея.

Графъ Нессельроде, въ частномъ письмѣ отъ 7-го (19) марта 1822 года, обратилъ вниманіе Поццо ди Борго на то обстоятельство, что газеты ему приписываютъ „угрожающія рѣчи противъ Англіи, надменный языкъ и пикантныя остроты“. Правда, продолжаетъ гр. Нессельроде, Государь нисколько не вѣритъ всѣмъ этимъ клеветамъ, но все таки совѣтуетъ послу всегда соблюдать извѣстныя „формы и осторожность“ въ отношеніи англійскаго посла.

Понятно, что подобныя отеческія наставленія не могли быть пріятны самолюбію Поццо ди Борго, который отлично зналъ себѣ цѣну. Онъ категорически оспаривалъ взведенныя на него обвиненія и — продолжалъ весьма критически относиться къ француз-

une entière liberté de jugement à l'égard du gouvernement français et de ses principaux agents. Il ne modifia non plus ses vues sur l'Angleterre. Mais il était dans ses intérêts de s'expliquer personnellement avec l'Empereur Alexandre I et avec son ancien ami, le comte Nesselrode. Aussi accueillit-il avec empressement l'invitation de Sa Majesté de se rendre à Vérone pour y prendre part aux travaux du congrès, auquel l'Empereur se proposait d'assister en personne.

Par les décisions du congrès de Vérone la France reçut de l'Europe le mandat de pacifier l'Espagne et d'y mettre fin à la révolution (voir t. XI, pag. 304 et suiv). Il serait inexact d'assurer que le gouvernement français fut très satisfait de cette décision des trois Cours du Nord, qui se heurta à l'opposition de l'Angleterre. Tout le parti libéral en France était contraire à toute intervention qu'elle fût exécutée par le gouvernement, ou par une autre puissance quelconque. Le chef du Cabinet lui-même ne sympathisait pas à cette démarche, surtout depuis que l'Angleterre poussait l'hostilité jusqu'à des menaces de guerre, en faisant entendre qu'elle empêcherait par la force des armes le passage des Pyrénées par les troupes françaises. Le Ministre des Affaires Etrangères, duc de Montmorency, était, il est vrai, pour l'exécution de ce projet, mais en décembre 1822 il prit sa démission. Il fut remplacé par Chateaubriand, qui avait été plénipotentiaire de la France au congrès de Vérone.

Enfin, pour ce qui concerne le roi Louis XVIII, il était dans un tel état de ramollissement physique et moral, qu'il était impossible de s'attendre de sa part à une décision sérieuse quelconque. Il s'endormait continuellement au Conseil des Ministres et en causant avec ses intimes. L'accord le plus complet existait à cette époque parmi les membres de la famille royale. Il n'y avait plus de trace de l'antagonisme qui avait existé autrefois entre le roi et son frère, l'héritier du trône. Celui-ci s'endormait également en société. Enfin tous deux, le roi et l'héritier du trône avaient une confiance entière dans le chef du ministère et considéraient le comte de Villèle comme „la clef de la voûte“ de l'ordre politique en France.

En présence de ces faits, on est porté à se demander comment s'expliquer cette intervention de la France dans les affaires d'Espagne et l'expédition d'une armée sous le commandement du duc d'Angoulême au delà des Pyrénées?

скому правительству и къ главнымъ его дѣятелямъ. Свои взгляды насчетъ Англии онъ также не измѣнилъ. Но въ интересахъ графа было лично объясниться съ Императоромъ Александромъ I и съ своимъ старымъ другомъ, графомъ Нессельроде. Вотъ почему онъ очень обрадовался Высочайшему приглашенію явиться въ Верону для участія въ трудахъ конгресса, на которомъ присутствовалъ самъ Александръ I.

Веронскій конгрессъ рѣшилъ поручить Франціи, отъ имени Европы, усмирить испанскій народъ и разбить испанскихъ революціонеровъ. (См. т. XI, стр. 304 и слѣд.). Нельзя сказать, чтобъ французское правительство обрадовалось такому рѣшенію Россіи, Австріи и Пруссіи, противъ котораго была Англія. Въ самой Франціи всѣ либеральныя партіи были противъ какого бы то ни было вмѣшательства со стороны ихъ правительства или другой какой либо державы. Самъ глава кабинета, гр. Вильель, не сочувствовалъ такому вмѣшательству, въ особенности съ того момента, когда явная враждебность этой мѣрѣ со стороны Англии обнаружилась въ угрозахъ объявить Франціи войну и силою оружія остановить французскія войска, отправляемыя черезъ Пиренейскія горы. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, дюкъ де Монморанси, правда, былъ за исполненіе этого проекта, но въ декабрѣ 1822 года онъ вышелъ въ отставку. На его мѣсто вступилъ знаменитый Шатобрианъ, бывшій французскимъ уполномоченнымъ на Веронскомъ конгрессѣ.

Наконецъ, что касается самого короля Людовика XVIII, то онъ находился въ такомъ состояніи физическаго и умственнаго разложенія, что ожидать отъ него какого либо серьезнаго рѣшенія не было никакой возможности. Онъ постоянно засыпалъ и въ совѣтѣ министровъ, и въ обществѣ своихъ близкихъ, во время разговоровъ. Между членами королевской семьи существовало въ то время, полное единодушіе. Препятствій антагонизмъ между королемъ и братомъ — наследникомъ престола, исчезъ. Послѣдній также засыпалъ въ обществѣ. Наконецъ, оба, король и наследникъ престола, питали полное довѣріе къ главѣ министерства и считали гр. Вильель „краеугольнымъ камнемъ“ государственнаго порядка во Франціи.

Въ виду такихъ обстоятельствъ естественно возникаетъ вопросъ: какими же причинами можно себя объяснить дѣйствительно совершившееся вмѣшательство Франціи въ дѣла Испаніи и отправленіе арміи подъ началь-